

Самосознание российской интеллигенции: траектории трансформации

Д.С. ПОПОВ

В современной российской общественной мысли, социологии, публицистике «интеллигенция» – одно из самых обсуждаемых понятий. С каждым годом множится число монографий, эссе, статей, посвященных ее изучению, не ослабевают споры о границах, численности, о самом факте ее существования. Это далеко не случайно. Проблема не сводится к тому, что мы живем в эпоху развитых технологий, стимулирующих увеличение доли умственного, интеллектуального труда, стремление к получению высшего образования, рост значимости интеллектуальных профессий. Этот вопрос справедливо считается одним из центральных для всего постсоветского развития России, поскольку интеллигенция в экономических, социальных и политических процессах во многом определяет результаты тех глубоких социальных перемен, которые переживает российское общество.

Об интеллигенции или хорошо, или ничего?

Общественные реформы в России постсоветского периода вызвали серьезные изменения в самоидентификации многих представителей интеллигенции. Это стало причиной формирования различных траекторий преодоления кризисов социальной идентичности. Как показал Э. Гидденс, целостность самоидентичности опирается на непрерывность связного автобиографического повествования [Giddens 1991, p. 256]. Особенность этих траекторий состоит в том, что, по крайней мере, часть российской интеллигенции обладает самореферентностью, являясь значимой для самой себя.

Подтверждением этого служит существование в российском обществе дискурсов о роли и судьбе интеллигенции. Можно выделить два основных дискурса. Представители первого из них стремятся доказать, что интеллигенция по-прежнему существует, представители второго – что она ушла в историю, а ее место заняли другие. Эти дискурсы проявляют себя в виде публикаций в СМИ, дебатов в Интернете, научных и квазинаучных работ. Многочисленные свидетельства ожесточенных споров можно обнаружить, просто введя в любой поисковой Интернет-системе (Google, Yandex, Rambler и пр.) слово «интеллигенция».

В академической среде подобные споры происходят на довольно многочисленных конференциях разного уровня и состава – в Иваново (здесь уже прошло 13 конференций),

Улан-Удэ, Екатеринбурге, Москве и многих других городах по всей России. По итогам конференций издаются сборники статей (порой многотомные). В университете, расположенном в городе Иваново, в качестве предмета преподавания введена особая дисциплина «интеллигентоведение».

Помимо того, что понятие «интеллигенция» полисеманлично, при его использовании сложно избежать эмоциональной ангажированности. Российская интеллигенция стала не просто социальной группой, но и особым социокультурным феноменом. В такой ситуации крайне важно проанализировать, что связывается с этим термином именно в российском обществе.

Умерла ли интеллигенция? Уход советской интеллигенции неизбежен. Она существовала в ином социокультурном пространстве. Уход этот совсем не означает, что та, прежняя, интеллигенция была хуже, чем новый российский интеллектуальный слой. В каких-то отношениях она лучше! Но сменилась историческая эпоха. В стране сложилась абсолютно иная политическая и экономическая ситуация, произошли важнейшие институциональные изменения в обществе. А это требует внутренней перестройки от представителей интеллигенции. В новых условиях с бывшей советской интеллигенцией происходят быстрые и серьезные изменения, в ходе которых она обретает новые, ранее будто бы не свойственные ей качества. Какова природа этих изменений? Какие это качества? Эти вопросы нуждаются сегодня в осмыслении и требуют более определенных и четких ответов, чем те, которые даются публицистикой и участниками квазинаучных дискуссий.

О понятии «интеллигенция»

Говоря о происхождении понятия «интеллигенция», обычно отсылают к латинским корням слова: *intelligens* (понимающий, знающий, умный) или *intellectus* (познание, понимание, рассудок). Но, по мнению исследователя интеллигенции О.К. Степановой, старая форма глагола *intelligo* (воспринимать, понимать, знать), *inter-lego*, гораздо более «говорящая»: *inter* – взаимно, между, *lego* – собирать. «Означенное ей действие определенно ассоциируется с процессом сборки головоломки, когда бессмысленные по отдельности детали в определенном порядке вдруг дают связную картину» [Степанова 2003, с. 50].

Как раз об этой способности сознания восстанавливать из хаоса разрозненных частей целостную идею, «умозрением» адекватно воспроизводить замысел Абсолюта не только относительно природы, но и человека, говорилось в работах немецких философов-идеалистов. «Интеллигенция» – одно из центральных понятий системы

трансцендентального идеализма Ф. Шеллинга, близкое к понятию «нус» (ум) древнегреческих авторов, которое возводило познавательную способность человека в ранг самопознания высшего разума через человеческий [Шеллинг: Интернет-ресурс].

Считается, что в России термин «интеллигенция» первым ввел в обиход в 1860–1970-х годах популярный в то время писатель П.Д. Боборыкин. В вышедшем в 1870 г. романе «Солидные добродетели» беллетрист так определил его содержание: «Под интеллигенцией надо разуметь высший образованный слой общества как в настоящую минуту, так и ранее, на всем протяжении XIX в. и даже в последней трети XVIII в.» [Боборыкин 1870]. Главный герой этого романа считает, что для русской интеллигенции единственный нравственно оправданный путь – это путь в народ.

Интеллигенция, представляющая «мыслящих людей», в романах Боборыкина выступала обличительницей существующих порядков, социального паразитизма дворян-землевладельцев, чиновничества, «оевропеившихся купцов» – национального варианта буржуазии. При этом ее позиция основывалась не только на моральных соображениях, но и на базе передовых для того времени научных представлений о законах развития истории и общества, где прогресс ассоциировался с продвижением к социализму. «Понятие интеллигенции, таким образом, возникло как элемент культурно-символической стратификации, разделяющей «посвященных» и «профанов». Сфера знаний – философия истории и общества, социальное целеполагание. Понятие интеллигенции тогда и некоторое время спустя имело совершенно четкую социально-политическую атрибутику – просоциалистические взгляды» [Степанова 2003].

В настоящее время термин «интеллигенция» можно охарактеризовать как довольно устойчивый в обыденном сознании и обиходном употреблении. Это показывает и проведенное в недавнем прошлом исследование. Рассмотрим данные, полученные социологами фонда «Общественное мнение» в ходе опроса жителей России в 2001 г.

Таблица. Суждения россиян о сущности понятия «интеллигенция»¹ (в % от числа опрошенных по России)

КОЛЯ, ЗАМЕНИТЕ КАВЫЧКИ !!!

¹ Общероссийский опрос населения по репрезентативной выборке в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик всех экономико-географических зон России. Интервью проведены по месту жительства. Размер выборки – 1500 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. Опрос проведен 4–5 августа 2001 г. [Материалы фонда «Общественное мнение» // <http://bd.fom.ru/reports/frames/body/of012905.html>]

Образованные, эрудированные люди		42
Образованные люди «Высокообразованные люди»; «широко образованные люди»; «образованность»; «более образованные люди»; «образованный человек»; «когда образованные люди в нескольких поколениях семьи»; «образованность во всем».	24	
Интеллектуалы, эрудиты "Высокоинтеллектуальные люди"; "люди с повышенным интеллектом"; "эрудированные люди"; "интеллектуально развитый человек"; "человек – в высшей степени интеллектуал"; "интеллект, мозги чтоб работали; если мозги повышены, то даже дворник – интеллигент"; "с высоким уровнем интеллекта"; "интеллектуально развитый человек"; "который разбирается в политике, экономике и во всем"; "всесторонне развитый, интеллект есть"; "энциклопедические знания"; "интеллектуальный уровень"; "группа людей, имеющая высокий интеллект"; "умные, с широким кругозором".	17	
Люди с высшим образованием "Закончили институт"; "население с высшим образованием"; "высшее образование"; "кто имеет образование"; "люди, имеющие высшее образование".	7	
Носители моральных устоев		25
Внутренняя культура, духовность "Богатый духовный мир"; "высшая степень культуры"; "духовно развитые"; "высокая внутренняя культура"; "наделенный внутренней культурой"; "внутренняя культура человека"; "духовная культура"; "культура".	17	
Высоконравственные, честные люди "Человек порядочный, благородный"; "высоконравственные люди"; "порядочный человек в жизни и отношениях"; "люди, у которых есть понятие совести"; "порядочность, честность, справедливость"; "порядочный, честный человек"; "человек, который знает нравственные нормы"; "понятие о чести и достоинстве"; "честные".	9	
Культурные, воспитанные люди		13
Воспитанные "Хорошее воспитание"; "воспитанные люди, не хамы"; "воспитание"; "воспитанные"; "воспитанность человека".	11	
Вежливость "Вежливые"; "вежливость"; "очень вежливый и тактичный человек".	2	
Занимающие определенные должности, представители ряда профессий		13
"Врачи и учителя"; "это работники культуры, науки"; "начальство, директора школ"; "это люди на должностях – например, в бухгалтерии, в администрации"; "художники, музыканты и так далее"; "врачи, учителя, музыканты, писатели, служащие"; "врачи, музыканты"; "профессора, ученые".		
Общественный слой		6
"Люди высшего общества"; "определенный слой общества"; "высший слой общества"; "категория людей, социальный статус которых выше"; "верхняя прослойка общества"; "класс общества"; "привилегированный класс общества".		
Люди с высоким материальным достатком		3
"Доход хороший"; "хороший заработок, полностью обеспеченные, люди живут в достатке"; "богатенькие"; "богатые миллионеры"; "обеспеченные люди"; "высокая зарплата"; "люди, у которых достаток больше, чем у нас"; "богатые люди с достатком"; "живет на широкую ногу"; "люди живут в достатке, ни в чем не нуждаясь"; "люди, которые хорошо живут"; "обеспеченные".		
Добрые, душевные люди		3
"Несет добро"; "любящие людей"; "душа у него человеческая"; "доброе"; "любовь к человеку"; "человек не обижает близких людей"; "участие в помощи людям"; "отзывчивый"; "человеколюбивые"; "гуманные"; "человечный, добрый гражданин".		
Общая отрицательная характеристика		1
"Настоящие воры"; "лодыри"; "те, из-за которых все неприятности"; "те, которые ничего не делают"; "двуличные"; "те, что сидят – спекулируют, рюмка перед ними, и пить и есть им подвозят"; "зазнавшиеся".		
Городские жители		1
"В городе живут, цивилизованно"; "городские жители"; "эксплуататоры, живущие в городе"; "люди из города"; "больше относится к москвичам".		
Другое		2

"Люди, имеющие свое мнение"; "лидеры"; "неболтливый человек"; "зеркало населения"; "Ильинский, Баталов"; "наше старшее поколение"; "кто отдает себя работе целиком".		
Нет ответа, ответ не по теме		19

На вопрос: «Как Вы понимаете слово “интеллигенция”», почти половина респондентов (42%) ответила, что интеллигенты – это интеллектуалы, образованные и эрудированные люди («высокообразованные люди»; «высокоинтеллектуальные люди»; «группа людей, имеющая высокий интеллект»; «население с высшим образованием»). Такая же доля опрошенных (41%) упоминает в этой связи моральный аспект. По мнению этой части респондентов, интеллигенцию составляют носители высоких моральных устоев и «духовной» культуры, порядочные, благородные, честные люди («высшая степень культуры»; «духовная культура»; «люди, у которых есть понятие совести»; «человек, который знает нравственные нормы»; «порядочность, честность, справедливость»; «воспитанные люди, не хамы»; «человечный, добрый гражданин»; «несет добро»; «любящие людей»).

Анализ мнений респондентов позволяет выделить два четких структурных элемента имиджа интеллигенции: образование и моральную чистоту, высокую нравственность. При изучении интеллигенции этим параметрам стоит отвести особое место. На это обращают внимание исследователи интеллигенции Л.Д. Гудков и Б.В. Дубин. По их мнению, обиходное словоупотребление сохраняет за понятием «интеллигенция» двойное значение: «Полюса значений заданы понятиями “специалист” – “совесть народа”, просветитель, защитник. [...] Одно значение используется во внешних ситуациях взаимодействия с властью, ситуациях государственного “управления”, другой смысл предназначен исключительно для себя, т. е. это самоопределение людей, относящих себя к “интеллигенции”, средство символической консолидации, усиления групповой сплоченности» [Гудков, Дубин 1995, с. 69]. Такая неопределенность, по мнению исследователей, оказывается чрезвычайно важной и функциональной, позволяя незаметным образом связывать различные социальные контексты и ситуации использования этого слова.

Существует и другая точка зрения, согласно которой понятие «интеллигенция» в общественном сознании продолжает нести мощную смысловую нагрузку как бы по инерции, как своего рода «память прошлого», которая диссонирует с нынешним состоянием символического пространства [Степанова 2003].

Споры о социологическом, научном употреблении термина «интеллигенция» ведутся многие годы, не утихают они и сегодня. За последние несколько десятков лет

среди российских социологов сложилась традиция многозначного использования понятия «интеллигенция».

Интеллигенция в российской истории

Интеллигенция в России появилась не потому, что российские культурные традиции обладали каким-то особым потенциалом, провиденциальным по своей сущности. Она возникла вследствие неповторимого исторического парадокса: «Общество, которое было вполне антиинтеллектуальным, “скалозубовским”, на этапе своего предкапиталистического слома образовало социальную нишу, позволявшую, попросту говоря, заниматься мыслительной деятельностью, довольствуясь малым и не заботясь о куске хлеба насущного в той мере, в какой это характерно для западных интеллектуалов. На сравнительно коротком отрезке истории (середина и конец XIX в.) интеллектуальный и культурный потенциал, накопленный в рамках феодального общества, получил возможность существовать и развиваться без вхождения в капиталистический рынок. Это промежуточное состояние оказалось исторически благотворным и привело к возникновению специфического слоя людей — носителей новой/старой культуры» [Покровский 1999, с. 35].

Российский социолог Н.Е. Покровский разработал особую модель, «идеальный тип» (по М. Веберу) российской интеллигенции конца XIX – начала XX в. [Покровский 1998, Покровский 1999]. Впрочем, следует сказать, что попытки создания подобной модели предпринимались уже с конца XIX столетия. Так, одним из первых поднял этот вопрос Ф.М. Достоевский в своей знаменитой Пушкинской речи [Достоевский 1984]. Важными с точки зрения становления и развития этой модели представляются работы Г.П. Федотова [Федотов 1990, Федотов 1994], П.Н. Милюкова [Милюков 1991], «веховцев» [«Вехи» 1909]. Упомянутые авторы не сходились во многих оценках происходящего и произошедшего с интеллигенцией. Полемика подогревалась и общими веяниями того времени. Любопытно, что, по подсчетам Ю. Латыниной, только в 1909 г., немедленно после появления сборника «Вехи», было опубликовано 195 статей, содержащих полемику с авторами упомянутого сборника [Латынина 1991].

Что же касается модели Покровского, то ее основные аспекты можно представить следующим образом.

Гипертрофирование духовно-нравственного аспекта жизни как радикально противоположного всему материальному в мире (не принято обсуждать материальный достаток, богатство считается неприличным).

Жизнь интеллигенции России многие десятилетия протекает как бы вне быта. Вне быта жили и работали Хлебников, Мандельштам, Цветаева, Ахматова, Бахтин, Лосев — этот список можно продолжать долго. Вся их жизнь, все силы их духа сосредоточивались на глобальных проблемах бытия. Западного интеллектуала лишь пограничная ситуация — между жизнью и смертью — побуждает обратиться к метафизическим проблемам. Не случайно само понятие «пограничная ситуация» появилось в западной философии (у Ясперса). Российский дореволюционный интеллигент постоянно находится в пограничной ситуации.

Нравственные и просветительские достижения рассматриваются как самодостаточные, бескорыстное служение абстрактной идее, истине.

Для пояснения этого необходимо обратиться к разработкам основателей этико-социологического направления в русской социологии П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского, которые ввели в научный обиход термин «критически мыслящая личность», ставший синонимом слово «интеллигенция». Смысл выражаемого этими терминами явления заключается в том, что личность, достигшая высшей ступени своего развития, вырабатывает в себе идеал человеческого достоинства, воплощение которого в действительность становится целью жизни данной личности. В трудах Лаврова содержится набор характеристик критически мыслящей личности, который может быть принят за основу при выявлении сущностных признаков интеллигенции: часть коллективного целого; сознательная единица, осознающая свой исторический долг и формулирующая новые идеи, которые представляют собой «семена прогресса» (тем самым критически мыслящая личность сосредоточивает в себе всю силу социального прогресса); вершина человеческой индивидуальности (по уровню самосознания и по критическому отношению к существующим общественным формам). Эти характеристики могут быть дополнены признаками индивидуальности, выделенными Михайловским: венец биологической эволюции; высший продукт эволюции, наделенный способностью противопоставлять естественному ходу вещей творческое отношение к действительности и создавать идеалы [Лавров 1888–1894].

В работе М.Ю. Лотмана «Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса)» отмечается, что «концепт интеллектуала смещается из сферы чисто интеллектуальной в сферу нравственности, что делает русскую интеллигенцию непохожей на западную интеллектуальную элиту» [Лотман 1999].

Система сострадания и жертвенности, «долг перед народом».

К традициям изучения интеллигенции, заложенным мыслителями XIX в. и получившим развитие в более позднее время, необходимо также отнести

сформулированную Лавровым теорию неоплатного долга. Из нее впоследствии выросла тема вины интеллигенции за судьбу России.

«Быть знаменитым некрасиво», некрасиво иметь больше, чем того требуют профессиональные занятия и духовные интересы;

духовная несдержанность, неспособность к точному расчету, измерению ситуации.

Культуролог Ю. Боров метко назвал это «приоритетом обостренной совести и чести перед разумом» [Боров 2004, с. 274].

Культивирование идей дисбаланса, неравновесности, критического неприятия внешних социальных условий, оппозиционности.

Интеллигенция не признавала никаких сдерживающих рамок, кроме тех, которые она сама же устанавливала. Последнее как раз и приводило ее подчас к самовозвеличиванию и нарциссизму. «В 1908 г. Александр Блок признал, что “русская интеллигенция страшная лень и страшный сон” – “осуждена бродить, двигаться и вырождаться в заколдованном круге” (статья “Народ и интеллигенция”). Но уже в 1918 г. он восторженно заявлял, что “России суждено пережить муки, унижения, разделения; но она выйдет из этих унижений новой и по-новому великой” (статья “Интеллигенция и революция”). И вновь там же: “Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью”. Миссию “переделки» России Блок отдавал русской интеллигенции”» [Покровский 1999].

Радение за все человечество, ощущение своей собственной, личной ответственности за историю, за все, что происходит в мире.

Российская дореволюционная интеллигенция (и радикальная, и либеральная) жила чисто идеологической, мыслительной жизнью, мало считаясь с реальностью, и не отличалась трезвостью своих суждений и оценок. Она была постоянно нацелена на поиски идеала будущего, причем обязательно «светлого» и рассчитанного на все человечество.

В дореволюционной России интеллигенция стала причиной не равновесия, а дисбаланса общественных сил. В силу особой российской ситуации болезненного вхождения в капитализм стало возможным возникновение большой группы критически и творчески мыслящих людей, которые могли поддерживать свое существование, не производя рыночных продуктов.

В ходе собственного исследования интеллигенции нам было важно определить, насколько сохраняются перечисленные социокультурные ориентиры в сознании представителей современной интеллектуальной прослойки, а если не сохраняются, то что

приходит им на смену? Этот «идеальный тип» стал частью поисковой модели при проведении нашего исследования современной интеллигенции.

Советский период (1917–1991) в истории России – это периоды гражданской войны, период форсированной модернизации промышленности, Великая Отечественная война, послевоенное восстановление страны, постепенное преодоление сталинских методов руководства обществом, обеспечение военного паритета с западными державами в период холодной войны, перестройка... На каждом из этапов возникали новые задачи, к решению которых интеллигенция имела самое непосредственное отношение. В массе своей интеллигенция была активным участником всех преобразований, сознательной опорой политического строя. Вместе с тем многие представители интеллигенции стали жертвами политического произвола, репрессий.

Советская интеллигенция была социальным образованием, во многом отличным от интеллигенции дореволюционной. Важнейшим отличием советской интеллигенции от ее предшественницы стало взаимоотношение с властью. «Эта новая советская интеллигенция не могла считаться наследником русской интеллигенции прошлого [XIX – Д. П.] века уже потому, — пишет Ю.А. Левада, — что состояла в принципиально иных отношениях с властью предрешающими. Сказанное, впрочем, относится к явным, официально санкционированным функциям культурной элиты советского образца. Скрытая же, латентная — чаще всего не выражавшаяся вслух или даже не осознаваемая — состояла в поддержании культурной традиции, исполнении просветительского гуманистического долга по отношению к народу (да и к властвующей элите, т. е. к ее человеческому материалу)» [Левада 2000].

Следует признать, что советская интеллигенция в какой-то мере унаследовала от своей предшественницы гипертрофирование духовно-нравственной стороны жизни, отчасти идею служения народу, которая трансформировалась в революционный романтизм значительной ее части, вначале искренний, позднее – искусственно возбуждаемый. Оппозиционность дореволюционной интеллигенции сменилась порой на фанатичную преданность советской власти, порой на лояльность, порой на неприязнь, но завуалированную. Важно, что возможность собственно интеллектуальной деятельности была у советской интеллигенции лишь при условии поддержки власти.

В отечественной социологической литературе изучено появление новых парадигм (идеальных социальных типов), на которые стала ориентироваться российская интеллигенция послеоктябрьского периода [Покровский 1999]. Таких парадигм существовало достаточно много: эмиграция, уход в подполье, достойное сотрудничество с советской властью, самозабвенный сервизм. Очень важно понять многослойность

советской интеллигенции: по происхождению, которое имело особенно большое значение в первые годы советской власти, по профессиональным функциям, по степени и характеру сознательного участия в политической деятельности.

Пожалуй, имеет смысл говорить об определенной двойственности в положении интеллигенции в советском обществе. «С одной стороны, высококвалифицированные и образованные служащие обеспечивают функционирование всей бюрократической машины, самой системы господства, ее легитимности, оборонной и репрессивной мощи, воспитания и обучения кадров, систему информации и т. д., демонстрируя, пусть и не всегда искренне, лояльность и преданность режиму. С другой – в соответствии с унаследованными легендами и идеалами интеллигенция воспринимает себя как оппозицию, как защитника народа, совесть общества. То есть, по сути, возникает определенного рода социальное двоемыслие, в разных ситуациях, функционально различных социальных ролях – для себя, для начальства, “на людях”, “между собой”» [Гудков, Дубин 1999, с. 85].

В советский период высшее образование стало действительно массовым по числу полученных дипломов, количеству открытых вузов и т. д. Произошел бурный рост образованного класса. Образ рядового инженера стал своего рода символом этих людей.

В то же время шел процесс бюрократизации образованного слоя советского общества. Практически каждый являлся чиновником в смысле принадлежности к системе общественных отношений, где все замкнуто на государство и любая сфера деятельности являлась, по сути, государственной службой, поскольку других работодателей (кроме государства) не имелось.

Советский период имеет значительное влияние на самосознание представителей современной интеллигенции старшего поколения. На многих из них серьезное влияние оказали трудные послевоенные годы. Это поколение формировалось на волне исторического оптимизма и веры в социалистические идеалы. Для этих людей существовала реальная возможность мигрировать из сел и маленьких городов в большие города с целью получения образования, изменения своего социального положения. При этом советская система способствовала формированию у части представителей интеллигенции определенной инфантильности, пассивности, чувства беспомощности и зависимости от обстоятельств, опасения риска и персональной ответственности.

Самосознание современной интеллигенции

В современных условиях интеллигенция все в большей степени превращается в условную группу, границы которой определяются прежде всего ее рефлексивностью. Поскольку по

формальным признакам в структуре общества эту группу зачастую выявить невозможно, то на первый план выходит *самосознание* интеллигенции, а именно ее самовосприятие, саморефлексия и самоидентификация. В конечном счете они и становятся группообразующими признаками. В этом заключается особая сложность в изучении интеллигенции, ибо она приобретает черты *виртуальности*. То есть, с одной стороны, она присутствует в жизни общества в виде культурных феноменов, нравственных императивов (пусть и реминисцентных), артефактов. Но с другой стороны, интеллигенция не совпадает ни с одной реальной профессиональной или иной группой. Исходя из этого, самосознание превращается в важнейший формообразующий компонент виртуализированной группы. Однако было бы неправильным на основании вышесказанного делать вывод о малозначимости *интеллигентской парадигмы* (образца сознания), уходящей с исторической сцены. Напротив, в современном обществе виртуальные структуры во многом приравниваются по силе своего воздействия к структурам материализованным. Условно говоря, реконструкция интеллигентского сознания, «игра в интеллигенцию» имеют немалые перспективы как в России, так в основном на Западе (где постоянно ставится вопрос о преодолении материализма общества потребления).

Исходя из этого, на наш взгляд, необходимо активно использовать понятие самосознания для изучения российского образованного сообщества. Самосознание становится *способом осмысления интеллигенцией совокупности ее статусных позиций в обществе и осознания ее роли в качестве субъекта социального действия*.

Следует отметить особую проблемность самосознания интеллигенции, которое на всех исторических периодах не было единым, а представляло собой сложную совокупность представлений разных групп интеллигенции о своем месте и роли в жизни общества. Эта характеристика справедлива не только в историческом плане, но и применительно к современным реалиям. Самосознание многих представителей современной российской интеллигенции разорвано: в нем отсутствует целостность, отчасти произошла потеря самоидентификации. Во многом это вызвано особенностями исторического развития рассматриваемой социальной категории и темпами изменений в социуме. Даже при условии успешной социализации в постсоветском обществе, для значительной части интеллигенции важными представляются ценности и убеждения, оставшиеся «в наследство» от предыдущих исторических периодов.

Самосознание интеллигенции как объект социологического исследования

В современных условиях методологические контуры и методические рамки исследования интеллигенции практически невозможно ограничивать количественными показателями и методами, фиксирующими статические характеристики. Необходим не только срез «статических данных» традиционных интервальных социологических исследований, характеризующий динамику изменений в составе и структуре российской интеллигенции, но и более чувствительные и живые «динамические данные», полученные с помощью качественных методов исследования.

В 2002–2004 гг. мною было проведено исследование, в результате которого были сконструированы четыре траектории развития самосознания интеллигенции в постсоветский период. Для построения этих траекторий был применен биографический метод.

При формировании выборки использовался метод исследовательского структурирования объекта. Были выбраны несколько важнейших институтов, непосредственно связанных с деятельностью интеллигенции и претерпевших изменения в ходе общего трансформационного процесса постсоветского периода. Речь идет о следующих структурах: высшая школа, средняя школа, НИИ и КБ, СМИ, научные издания. В этих структурах происходит концентрация профессионалов (в парсоновском понимании этого термина). По мере продвижения полевого этапа исследования круг поиска несколько расширился. Были привлечены информанты, работающие в коммерческих организациях, представители так называемой творческой интеллигенции и др. Интервью собраны в Москве и городах Центральной России: Санкт-Петербурге, Туле, Ярославле, некоторых малых населенных пунктах (Советск, Плавск).

Для решения поставленных научных задач была создана специальная поисковая модель. Она учитывала профессиональную биографию представителей интеллигенции, а также исторически свойственные российской дореволюционной и советской интеллигенции социокультурные ориентиры. Вопрос, на который предстояло ответить, заключался в том, сохраняют ли силу эти ориентиры, или же они остались в прошлом. Если второе утверждение имеет под собой основание, следовало выяснить, какие новые императивы выработаны в процессе изменения социальной общности.

Каждому информанту был предложен определенный набор направлений (тем) рефлексии (полностью или частично, при возможном изменении последовательности обсуждения тем). Первое направление предполагало рассказ участника проекта об этапах его жизненного пути и деловой карьеры. Часть этого рассказа составляла открывающую текст каждого автора краткую биографию. Второе направление интервью – исследование ценностного поля информантов. Им предлагалось выразить свое отношение к

социокультурным ориентирам, значимым для дореволюционной и советской интеллигенции. Информантам предлагалось высказать свое мнение о том, что значит достигнуть успеха в жизни, о модели успеха, его символах, о способах достижения успеха. Также информанты говорили о своем отношении к родной стране, анализировали его изменения с течением времени. Реальный процесс интервью предполагал известную свободу сторон и в темах беседы, и в их последовательности, и в жанре оформления текста. Все интервью относятся к разряду полуструктурированных глубинных. Формулировка отдельных вопросов и предполагаемая форма ответов оставались свободными, открытыми, их конкретное оформление происходило в ходе интервью.

Информантами выступили представители российской интеллигенции. Все они живут в Центральной России – в Москве, в небольших городах, в деревне. Главной задачей при формировании теоретической выборки был охват максимально широкого круга мнений в рамках рассматриваемой социальной общности с целью наиболее полного смыслового наполнения и проработки выделяемых типов.

Итогом исследования явилось построение теоретического конструкта – модели самосознания современной российской интеллигенции, представленной в форме нескольких «идеальных типов», обозначивших основные траектории трансформации российской интеллигенции, отличающиеся специфическими изменениями в самосознании.

Траектории трансформации самосознания российской интеллигенции

Первая из четырех выявленных траекторий трансформации самосознания интеллигенции была названа *«Следование исторической традиции. Просветительский долг перед обществом»*. Это траектория людей, которым сложно найти себя в изменившихся условиях. В этой группе распространены ностальгические ориентации: часто настоящее оценивается отрицательно, а сравнение нынешнего положения с советским временем осуществляется в пользу прошлого. Это траектория той части интеллигенции, которая оказалась не готовой и не приспособленной к деятельности в условиях рынка. Существование этой группы поддерживается тем, что сохраняется ряд институтов, которые в полной мере не включены в рынок. Прежде всего речь идет о государственных образовательных и научных учреждениях и организациях. Часто сотрудники таких учреждений не видят для себя реальной альтернативы в отношении трудоустройства. По разным причинам – от нежелания менять любимое дело до страха оказаться ненужным.

Масштабные социальные перемены, подобные тем, что мы наблюдали в России в последние десятилетия, не происходят мгновенно. Для преодоления всех социальных

травм нужно, чтобы сменилось поколение, а то и несколько. Интеллигенция оказалась одной из наиболее пострадавших групп. Изменились не только уровень жизни и материальный достаток, понизился статус интеллигента. Смириться с понижением статуса особенно тяжело. В начале 1990-х годов произошло резкое сокращение численности интеллигенции. Из сферы интеллектуального труда, науки в другие области только за 1992 г. ушло 90 тыс. человек [Мансуров, Семенова 2001, с. 289]. Согласно проводимым тогда исследованиям около половины (42%) опрошенных работников науки в условиях перехода к рыночной экономике предпочли бы совмещать научную работу в государственной структуре с работой в свободном секторе экономики; ограничились бы работой в госсекторе (НИИ, КБ, вуз и т. д.) только 25% опрошенных [Семенова 1992, с. 10–11]. Часть из наиболее знающих и работоспособных людей уехали работать (пусть даже на время) за рубеж. Некоторые занялись политикой, перешли в бизнес, пополнили ряды чиновников.

Слой образованных людей стал быстро дифференцироваться, и для части представителей интеллигенции началась незаметная деградация, уход от множества проблем, возникающих в связи с трансформациями общества. Определенной (и довольно значительной) части интеллигенции особенно сложно принять новые условия: новый стиль работы, жизни, новый имидж. Большинство людей из этой группы относятся к старшим поколениям, полностью сформировавшимся в советское время. Этот социальный тип практически не воспроизводится в новых поколениях.

Была патологическая нищета, когда не могли [еды] своей дочке маленькой купить... Жена уже была чуть ли не доктор наук... Покупали курочку, мы только косточки обглаживали, а все дочке отдавали. [...] Потом была такая еще линия – вы после 40 лет, а мне уже было за 40 лет, уже все, списанный материал. Не берут вас никуда! Взяли вот такую молодежь, а у них не получается. И им заказы, их берут в банки, в журналы, то, се... Списывание страшное было! При Ельцине было. А потом чуть-чуть огляделись – и нет. И как-то вот я лично выдержал. Многих поломало это, сам период нищеты, вот это все... Очень тяжело. [...] Кризисы были самого разного рода. Социальной идентичности, профессионализма, прочее, прочее. Тебя же, так сказать, называли дураком впрямую. Ты денег, говорят, не можешь сделать, сидишь – дурак! Элементарно. Люди зарабатывают там десятки тысяч, а ты довольствуешься какой-то там тысячей, которую тебе дают. Иди торгуй! А, не можешь?! Ну вот ты того и стоишь!

Иван Е., 56 лет, редактор научного журнала

Сугубо пессимистический прогноз о резком ослаблении значения интеллигенции в социальной жизни России стал общим местом в публицистике 1990-х годов. Начало рыночных преобразований вытолкнуло массу специалистов высшей квалификации из соответствующей им страты.

Из философии вытряхнулась масса людей, которые... Ну, наука вообще была средством, это же была модная такая область. Можно было зарабатывать и прочее. Ну, масса ушла, ну что же... Хотя ничего

хорошего, я снова возвращаюсь к нынешнему состоянию науки, к финансированию, к тому, что делается, я подчеркиваю, подчеркиваю еще раз, чтобы не создалось впечатление, что я ужасно доволен происходящим и рад этому делу.

Борис И., 60 лет, профессор

Произошла маргинализация значительной части интеллигенции. Маргинальность в социологическом смысле означает не просто недостаток участия в социальных институтах разного рода: в материальном производстве, в процессе принятия решений, в распределении ресурсов, но исключение из социальных структур; она порождает неопределенность социальных позиций, хотя и обеспечивает набором альтернатив для разрешения «парадоксальных ситуаций». «Маргиналы – это социально избыточный материал, результат институционального кризиса, цена социального изменения, «лишние люди» (своего рода Печорины, Онегины XX в., так хорошо описанные в русской классической литературе)» [Голенкова 1999].

Мы живем в очень маленьком городке, бывшее село Сергиевское. И по последней переписи оказывается, что мы уже не город, а поселок. У нас там все еще осталось прежним во многом. И мне в своем этом городке жить легче. Там все привычно, и там еще понятия остались прежние о жизни. Мне там легче жить, я бы никуда не хотела оттуда уехать. Я никогда не жила в большом городе, большой город меня пугает. Я из маленького местечка. А у нас там все во многом осталось по-прежнему. По крайней мере, психология.

Наталья Е., 50 лет, учитель

Маргинализированные интеллигенты фиксируют ухудшение своего положения во всех сферах своей жизни, их оценка собственных перспектив пессимистична. «Люди предпочитают замыкаться в кругу непосредственного общения, на уровне микросреды, о чем свидетельствуют данные о самоидентификации респондентов. Опрошенные констатируют, что сильнее всего связаны с членами семьи, родственниками (79%), с коллегами по работе (44%). Соотнесенность с другими группами невелика. Анализ важности для интеллигенции различных сфер жизнедеятельности (по 4-балльной шкале от «очень важна» – 4 балла до «совсем не важна» – 1 балл) позволяет говорить о том, что иерархия их такова: семья (3,74); работа (3,3); друзья, знакомые (3,19). Политика ушла на последнее, шестое место и набрала 1,89 балла» [Мансуров, Семенова 2001, с. 287–288]. Как видно из этих данных, происходило формирование ориентации на микросреду, малую группу, на ближайшее окружение при падении доверия к власти, аполитичности.

В этой группе распространены ностальгические ориентации: часто настоящее оценивается отрицательно, а сравнение нынешнего положения с советским временем осуществляется в пользу прошлого. Трудности при адаптации, зачастую – неустроенность жизни в современных условиях, побуждают искать идеалы не в современности, а в

прошлом – в советском и дореволюционном обществе. Дореволюционная и советская интеллигенция становятся для этих людей референтными группами.

Представители рассматриваемой траектории оказались не готовыми и не приспособленными к деятельности в условиях рынка и не предпринимают никаких усилий, чтобы что-то изменить в своей жизни. Причем «невхождение в рынок», по оценкам исследователей, обусловлено тремя группами причин.

Первая группа указывает на политическую и экономическую нестабильность в стране (38–44%); на криминальную обстановку вокруг бизнеса и предпринимателей (43%); отсутствие гарантий (34–36%).

Вторая группа причин связана с тем, что отсутствуют средства для организации собственного дела (49–56%); отсутствует необходимое образование и связи в деловом мире (27–31%).

Третья группа акцентирует причины личного и социально-психологического характера. Это отсутствие деловой хватки (35–39%), воспитание по принципу «не деньги главное» (28–30%); отсутствие уверенности в собственных силах, в удаче (20–21%) [Мансуров, Семенова 1998, с. 101, с. 103].

Многие представители этой траектории идентифицируют себя с уходящей советской культурой, подчеркивая при этом, что они не хотят такой же судьбы для молодого поколения вообще и своих детей в частности.

Вот в нашем городишке [учителям среднего возраста, пожилым. – *Ред.*] уходить из школы некуда. Молодые люди уходят сразу же. Причем мы их на это дело благословляем. Потому что в школе сейчас работать очень-очень трудно.

А много ли приходит молодых?

Ну, каждый год приходят. Но они, как правило, через год находят другое место не по специальности. Кем угодно, вплоть до продавца в магазине, или там в офисе, или где-то в Москве официанткой. И уходят, сломя голову бегут из школы. Отпугивает крайне низкая зарплата, то есть тысяча, тысяча двести. Кто будет работать за такие деньги?

Как Вы думаете, почему они туда приходят? Ведь они, вероятно, знают, что там маленькая зарплата?

Наверно, они пошли учиться по призванию, а когда окунулись в эту школу, они поняли, что молодость дороже любого призвания. Молодость, красота, здоровье, достаток. И многие решают, что лучше сохранить это, чем призвание. Я считаю так. Я лично сама некоторых отговаривала. Я говорила: «Детка, куда ты? Оглянись, посмотри. Посмотри! Ты уже по колено в болоте, а дальше ты будешь... Школа затягивает. Из школы так просто не вырвешься. Вот я уже, например, не могу. Я уже себе другой работы не представляю. Вот так наша работа затягивает. И пока еще не затянуло – беги отсюда! Ты еще сумеешь устроиться».

Наталья Е., 50 лет, учитель

Итак, можно выделить типовые характеристики траектории «Следование исторической традиции. Просветительский долг перед обществом».

Отношение к профессиональной деятельности:

малооплачиваемая, но социально престижная работа:

Поскольку я был отличником, я получил распределение хорошее. Ну, надо сказать, я продолжал работать в городской школе, 2/3 ставки у меня было. Но зарплату уже платили очень плохо. Но я продолжал работать, мне нравилась моя работа. Распределили меня поближе к Туле. Есть тут такая в Ленинском районе школа, и я поехал туда преспокойненько работать. И семь лет я там отработал. Параллельно я поступил в аспирантуру заочно, закончил ее, защитил диссертацию, и уже, будучи кандидатом наук и получив диплом, я продолжал работать в школе до 2000 г. Правда, в это время я стал на четверть ставки работать на кафедре, меня пригласили. Вот, наверно, года с 1998-го, вот я защитил диссертацию и стал работать на кафедре на четверть ставки. Параллельно работал в школе, стал завучем там. И не ушел бы, наверно, оттуда вообще никогда. Если бы не определенные сложившиеся обстоятельства. [...]

Конкуренция места в жизни для меня не существует просто потому, что я не занимаю очень высокого места. То есть у меня нет шикарной квартиры, нет роскошной дачи, нет автомобиля никакого вообще, ни шикарного, ни не шикарного. Поэтому вот в этом плане у меня планка требований достаточно низкая, поэтому у меня нет конкуренции. Я живу довольно средне, поэтому никто меня из моей ниши не вытесняет просто потому, что она никому не нужна.

Д.А., 32 года, кандидат наук, доцент

стремление реализовать себя через профессию, выполнить гуманистический долг:

Мне кажется, что [сегодня] тяга к образованию [в обществе] вернулась. Но для студентов, которые учатся за деньги это тяга к получению диплома, а не тяга к образованию. Поэтому жалко тратить свою жизнь на обучение таких студентов. Мне лично жалко, я не люблю... Но мне не жалко тратить свою жизнь на тех, кто действительно хочет учиться. Например, в Педуниверситете 3 девушки попросили меня читать им дополнительные лекции. Я в течение полугода ходила и читала им дополнительные лекции, потому что я считаю, что это замечательная просьба. Безо всяких денег, без всего. А вот читать тому, у кого нет предпосылок для понимания, или кто даже не хочет – не интересно.

В.Г., 63 года, доктор наук, профессор

Дополнительные дескриптивные параметры:

ориентация на прошлое, идеализация прошлого:

Мне кажется, что русский народ никогда не жил так хорошо, как при Брежневе! Все в отдельных квартирах, которые бесплатно получали, и которые ничего не стоило оплатить. Там были всякие дефициты, но всегда все у всех было. В магазине нет, а в холодильнике у всех все есть. Дефицит даже создавал такую игру интересную – надо было доставать там вещи, пальто или сапоги. Но именно потому ничего не было, что все было всем доступно. И любая студентка ходила в шубе. Все было справедливо. Можно было терпеть какие-то недостатки. А сейчас все можно купить, а денег нет. У меня такое стихотворение есть: «С финкой и кастетом на бульвар выходят наши дети». Скоро книгу стихов издам.

Т.М., 70 лет, кандидат наук, доцент

Здесь необходимо добавить, что эта идеализация может простирается на совершенно разные периоды: на брежневское время, на 1960-е годы, на начало 1990-х годов и т. д. При этом отношение к советской власти может быть и диаметрально противоположным.

аффективность, часто – чувство вины:

Мы же расхритали страну! Не в малой степени мы! Ведь надо же думать было, что ты делаешь, какие решения принимаешь, зачем митинг созываешь, почему требуешь свободы, не требуя ограничений! Нет, все пошло... Пожалуй, если бы мы были на Западе, мы [были] бы как отличник – напился один раз, голова заболела – все, больше он не пьет. Это вот события, скажем, мая 1968 г. А мы, значит, запоями это все! Очень

дорого это обошлось! Теперь до того дошло, что каждый сопляк [говорит]: «Интеллигенция – беда России, Чернышевский – интеллигент, а вот какой-то там Тютчев – не интеллигент». Подрывается этический статус интеллигенции! Мне кажется – напрасно. То, что делала русская интеллигенция – она сделала очень много. И ее надо представлять именно так, морально. В этом моральном статусе, в этой социальной нише, может, она и должна сделать очень, очень много!

Иван Е., 56 лет, доктор наук, профессор

Следующая траектория – *«Советское наследие. Коллектив как средство и цель»*.

В современном обществе субъективный выбор между «государственным» и «частным» можно рассматривать как дилемму: с одной стороны – лучшая социальная защищенность (государственные предприятия), с другой – более высокие заработки и динамичное развитие карьеры (частный сектор). По данным финского исследователя М. Кивинена, в Англии все больше и больше профессионалов выбирает частный сектор как возможность быстрой реализации своих планов и достижения финансового успеха [Кивинен 1994, с. 134–142]. Вероятно, подобная тенденция наблюдается и в России, но в целом следует признать, что эта проблема для России является более фундаментальной. По нескольким причинам.

Для советской интеллигенции существовала лишь одна система занятости – государственная. Ее представители зависели от государства, от него же они получали все формы социальной защиты. Это во многом определяло и экономический статус, и профессиональную культуру. Находящийся в такой ситуации представитель интеллигенции более склонен соотносить себя с определенным коллективом, идентифицировать себя как его часть, чем выступать в качестве автономного специалиста.

Сегодня сохраняется ряд институтов, которые в полной мере не включены в рынок. Прежде всего речь идет о государственных образовательных и научных учреждениях и организациях. Часто сотрудники таких учреждений не видят для себя реальной альтернативы в отношении трудоустройства. По разным причинам – от нежелания менять любимое дело до страха оказаться ненужным. При этом, однако, необходимо учитывать, что многие области (к примеру, теоретическая наука) не имеют «прямых» выходов на рынок. Кроме того, как показал А.В. Юревич, рынок наукоемких технологий в России развит крайне слабо [Юревич 1998]. В таких областях сложилась тяжелая ситуация, порой гораздо худшая по сравнению с советским периодом. Это вынуждает специалистов искать заработки «на стороне», которые позволяют решить материальные проблемы, но отвлекают от главного занятия, а следовательно, являются препятствием в достижении высоких профессиональных результатов.

Работа же в частных фирмах подразумевает совсем другие взаимоотношения и деловую этику, она основана на совершенно иной культурной традиции. Стиль управления, деловые взаимодействия в таких организациях части профессионалов, воспитанных в советском обществе, могут показаться враждебными. По данным российских социологов, некоторые специалисты уходят из частных фирм, оставляя высокий доход, не приспособившись к деловым традициям, пришедшим из западной культуры [Yadov 1998, p. 10–16].

Вам никогда не хотелось поменять работу, или, может быть, сменить профессию?

Нет, не хотелось. Меня устраивает. Хотя были годы – начало перестройки – когда чрезвычайно там было тяжело, ну совсем почти там ничего не платили. Да что говорить, стакан сока нельзя было купить, мороженое, господи! На нищенских окладах сидели не один год. Много ушло, очень многие у нас ушли и подрабатывали – кто на цементном заводе, кто где. Ушли многие. Но не все, все-таки некоторые остались, костяк. Есть еще важный момент, почему я оттуда не ушла: это среда, люди, которые меня окружали. Это очень важно! Иногда гораздо важнее выигрыша в деньгах. Многие из тех, кто ушел, кто смог хорошо устроиться, потом говорили, что они жалеют, что потеряли наш коллектив. Ведь их новая среда более простая, более грубая, если хотите. Ну, у молодых теперь все по-другому. Теперь распространяется индивидуализм, это, конечно, не очень хорошо.

Нина Д., сотрудник НИИ

Дистанция между государственным и частным секторами становится ключевым фактором при социальной и экономической дифференциации в период трансформации в России. Уровень дохода, социальный престиж, степень социальной защиты чрезвычайно сильно зависят от того, в частном или в государственном секторе находится место работы [Заславская 1993, с. 5–8].

В коммерческом секторе надо быть всегда готовым к тому, что работа может смениться. Может, придется перепрофилироваться, переходить на другую... Может быть, какое-то время придется оказаться и без работы. Я просто говорю на примере моего товарища, мы с ним вместе учились в институте, и он пошел как раз вот по линии юристов в коммерческой организации. Он получает, наверно, раза в полтора-два больше, чем я, но ему приходится по полгода сидеть без работы! Он уходил, его выгоняли... Ну, может быть, это громко сказано, его вынуждали уйти. Либо потому, что прекращала свое существование контора, либо он как-то не сходил по характеру или по стилю работы или просто говорили, что работает неэффективно, и ему приходилось по полгода сидеть без работы. Поэтому там надо еще иметь такой небольшой жирок, чтобы безболезненно перетерпеть вот эти вещи. Мне спокойнее здесь. Я просто думаю, что это другой стиль, другое мировоззрение.

Илья М., юрист

Изменения в системе занятости создали условия для различных возможностей профессионального выбора и развития карьеры. Но при всех этих возможностях сохраняется группа профессионалов, которые предпочитают занятость в государственном секторе, часто в институтах, продолжающих существовать с советского времени. В государственном секторе нет высоких прибылей и рисков. Вместе со стабильным, но не

очень высоким доходом человек получает возможность избежать острой рыночной конкуренции.

Эта траектория имеет несколько общих параметров с траекторией «Следование исторической традиции. Просветительский долг перед обществом». Среди них – невключенность в рынок, и осторожная, а в ряде случаев – негативная оценка изменений, стремление жить по-старому. Однако доминирующей здесь становится скорее причастность к определенной корпоративной общности, которая придает уверенность и привносит ощущение стабильности.

Типовые характеристики траектории.

Отношение к профессиональной деятельности:

плавное развитие карьеры;

стабильная работа в госсекторе, боязнь изменений:

У Вас не появлялось желание в эти тяжелые годы оставить конструкторскую работу и заняться бизнесом?

Вы понимаете, я, наверно, не приспособлен... Я, может быть, и пошел бы на это дело, но, наверно... хотя мне казалось, что я мог этим заниматься, но, тем не менее, я думаю, что... не уверен, что я смог бы это сделать. Наверно, это все-таки определенная специфика, ну и потом раз я сижу на одном месте, если я работаю все время в одном направлении, может быть, я как бы направлен на выполнение своей работы, а не направлен на поиск как бы лучшей доли. Может быть разный подход. То есть я все время выполняю конкретно свою работу. Направлено это на то, чтобы поставленные задачи выполнять.

Вячеслав Д., сотрудник КБ

Ориентация не на персональные достижения, а на сохранение психологически

комфортного положения в коллективе:

Я бы не сказал, что работа – это самое интересное в моей жизни. У меня много всяких увлечений, в частности и живопись, и другие виды искусства, еще я занимаюсь растениями... У меня увлечений очень много было. И тем не менее чувство ответственности к работе такое, что я буквально вынужден был бросить свои увлечения и заняться работой так, чтобы поставленная задача, выполняемая конкретная работа, которую я лично веду [была завершена]. Чувство ответственности очень высоко. То есть я стремился добиться, и добился. У меня работа эта проходила очень длительное время, и я все-таки добился доведения ее до конца. [...] Отношение коллектива к тому, что я делаю, меня очень напрягает, и я не могу допустить, чтобы кто-то мог сказать, что я бросил на полпути эту работу. Так вот примерно.

Вячеслав Д., сотрудник КБ

Дополнительные дескриптивные параметры:

болезненное восприятие изменений в обществе;

относительная закрытость к внешней среде, рынку, значимость статусной позиции;

коллективистские ценности, открытое или скрытое неприятие индивидуализма.

Люблю, люблю свою страну! И считаю, что это нормально, это так должно быть. Вообще все, за что ты берешься, – это надо любить. И культура, и земля, и люди – это особый дух, здесь ты чувствуешь себя среди своих, тебе комфортно. Я думаю, что, допустим, вот в другой стране этого не будет в такой степени. Там все другое, другие обычаи, все другое, отношения между людьми... Я, конечно, за границей... вот круиз только вокруг Европы в 1979 г. Мне трудно судить. Но, мне кажется, у нас отношения между людьми, по крайней мере, они были... Сейчас они, конечно, меняются. Они меняются. Даже заметно вот в нашей организации, у нас в отделе. Больше стали думать, особенно молодежь, вот как-то каждый сам за себя. Ну, вот это приходит уже, индивидуализм. Раньше, конечно, этого было меньше, и это было хорошо.

Третья траектория названа нами «*Стабильность и инвестиции в будущее*». Предположение о том, что на смену старой «интеллигенции» приходит новая порода «интеллектуалов», не в полной мере подтверждается наблюдениями. К тому же понятие «интеллектуалы» имеет не меньшую идеологическую нагрузку, чем понятие «интеллигенция». Вероятно, лучшим термином для обозначения представителя этой траектории может стать термин «специалист» в предельно нейтральном значении. Происходит разделение интеллектуального сообщества на отдельные группы, являющиеся носителями тех или иных экспертных знаний.

Для того чтобы найти себя на профессиональном рынке труда, представителям этой траектории потребовалась готовность к внутренней динамике, умение трезво оценивать складывающиеся условия труда, желание не только «самовыявлять себя», но и думать о тех, кто «потребляет» продукты интеллектуального труда. С одной стороны, происходит некоторое упрощение картины реальности, снижение стремления к рефлексивности, характерных для образованного слоя раньше. С другой – произошло высвобождение энергии для работы, мобильности, свободы, коммуникативности.

Это вопрос – что она [интеллигенция. – Д. П.] сделала и что она может сейчас сделать. Тогда это был – как считалось – некоторый эталон. Да, он был, но внутри этой группы было полно всякого [г-на] на самом деле. И ты сейчас оцениваешь вот это, и по большому счету было и хорошее и плохое, а сейчас она ничего не делает, как таковой группы сейчас [нет]. Образовалась вот эта среда менеджеров, управленцев. А то, что раньше называлось интеллигенцией, оно рассосалось по маргиналиям, наверно. Наверно, так и существует вот эта среда, какие-то микрогруппы. Но жалости нет, не знаю, я, наверно, просто не успел побыть там, в этом кругу, хотя, может быть, в свое время тянулся. Эти посиделки у нас там... Преподаватели собирались, историки философии, у них была как бы такая «фишка», они напивались и начинали разговаривать по-немецки. Это считалось супер, они сидели и разговаривали по-немецки, причем языком Гегеля каким-нибудь тяжеловесным, ничего общего с разговорным немецким не имевшим. Но я не принадлежал к этим коллективам, поэтому как-то равнодушен. Я жалею о конкретных людях, но о группе как таковой – нет.

Андрей Ф., политтехнолог

По внешним признакам можно сказать, что наиболее удачно аккомодировались к новым условиям представители интеллигенции, владеющие иностранными языками, склонные к социально-психологической лабильности, владеющие информационными технологиями (новейшими программными продуктами, Интернетом).

Впрочем, и в этой группе также есть свои полюса. Так, на крайнем коммерциализированном крыле этой группы присутствуют мастера политического PR'а и рекламы, профессора вузов, не знающие ограничений профессиональной этики, и пр. Впрочем, на противоположном полюсе шкалы мы видим действительно серьезных

специалистов, с одной стороны, вписывающихся в новые условия, но и сохраняющих определенный набор ценностей, восходящих к традициям прошлой интеллигенции.

Как отмечают Л.Д. Гудков и Б.В. Дубин, «лучше всего — более уверенно, оптимистично, позитивно — чувствуют себя молодые люди, особенно мужчины с высоким уровнем образования. Сегодняшний день — это “их время”, время открытых возможностей, интенсивной работы и высоких заработков. Это поколение прошло свой период социализации в момент острого разложения или краха системы, отчасти даже позже. Поэтому для него ситуация деидеологизации и краха культуры патернализма (в любом виде) — естественна и самоочевидна. Для них прежняя... культура почти не значима, революция рока, молодежной субкультуры задали новые ценности, новые ориентации на западную массовую культуру и отечественные маскультурные образцы (в ТВ, рекламе, попсе), активность, достижительность, успех, продуктивность, иные рамки соотношения» [Гудков, Дубин 1995 с. 187–188]. Они в гораздо большей мере, чем предыдущие поколения адаптированы к современной России, это понятная и нормальная для них среда обитания. Их адаптированность проявляется в росте оптимистических настроений, уверенности в завтрашнем дне. Для них этот мир понятен и предсказуем.

Большую ценность для понимания особенностей рассматриваемой траектории представляют социологические исследования, посвященные молодежи – студентам вузов, аспирантам, курсантам и т. д. По мнению авторов исследования, «московский студент 2000 г. живет в стабилизировавшейся России, поскольку процесс коренных изменений социальной структуры общества, его социальной стратификации, дифференциации в уровне жизни различных слоев населения, видимо, в основном уже завершен. Можно предположить, что стабилизация социальной структуры явилась еще одним фактором, облегчающим социальную адаптацию новых поколений, восприятие ими сложившихся условий как надежных, устойчивых и предсказуемых. Это также способствует формированию чувства уверенности в завтрашнем дне» [Иванова, Эфендиев 2001, с. 11].

Для современного российского общества характерно усиление индивидуализации личных судеб, некоторое ослабление их зависимости от принадлежности людей к большим социально-профессиональным формализованным группам. Тот факт, что человек является специалистом с высшим образованием, администратором или рядовым служащим, зачастую не определяет ни уровень его дохода, ни реальный социальный статус, ни стабильность его материального и социального положения.

Г.Г. Дилигенский ссылается на проведенное несколько лет назад глубинное интервью, содержание которого иллюстрирует эту тенденцию: «Как говорит о различии между прежней и нынешней ситуациями одна из наших респонденток, госслужащая из

Саратова, раньше “все шло поэтапно: ...институт, аспирантура, работа; если девушка — выйти замуж удачно, получить какое-то определенное положение и чтобы материальная была обеспеченность, иметь там машину, квартиру, понимаете, все шло четко, у всех в принципе одинаково... [Теперь] надо проявлять инициативу, двигаться, двигаться”. И далее: “Кому как повезет... тут ведь дело случая, я считаю, везения” (Интервью осени 1997 г.)» [Дилигенский: Интернет-ресурс].

Раньше был какой-то научный интерес, то есть хотелось что-то сделать, какое-то было тщеславие. Сейчас – стыдно признаваться – но какое-то такое эгоистичное самоутверждение, уже где-то самолюбование. Ты знаешь, что ты что-то делаешь, ты хорошо это делаешь, все получается, все срастается. И второй момент, конечно – деньги. Да, ты деньги зарабатываешь, и соответственно мотив такой чисто менеджерский становится – все меньше и меньше разница, чем конкретно ты занимаешься, ты хочешь заниматься решением каких-то задач и получать за это больше денег. Я прекрасно понимаю, это какое-то извращение, но вот это также, как ты попадаешь на какие-нибудь выборы порошков – альтернативы нет, кроме того, что тебе предлагает реклама, ты ничего выбрать не можешь. И здесь тоже это чувствуется. Особенно остро это чувствуется, когда семья появилась. [...]

На самом деле, постоянно борется мораль и азарт. Когда ты что-то делаешь, конечно, ты начинаешь и обдумываешь моральные принципы, они очень сильны. Потому что ты сначала думаешь о том, что будет... А потом ты переходишь к какой-то технологической точке зрения, и в ней вот эта страсть к какой-то инновации, что-то придумать такое, естественно, о людях ты уже не думаешь. Мораль, не мораль... Я просто по опыту тех же избирательных кампаний очень хорошо знаю: сначала бабушки, бабушки, а потом как... Причем переключение происходит совершенно [незаметно]. Вот этот переход от моральности к аморальности. То есть мораль сама по себе, а есть мораль профессии. Вот в моей профессии морально чернуху выпускать с самого начала. И уж с этой чернухой такое идет, такое! И, соответственно, моральных угрызений почему-то уже не возникает. Это, наверно, тоже какое-то извращение, но без него нельзя было бы работать тогда.

Андрей Ф., политтехнолог

Профессиональная среда, профессиональная этика становятся приоритетными. Специалист принимает «правила игры», принятые в его профессии, иначе он не может адаптироваться к этой среде и выдерживать конкуренцию.

Перечислим основные дескриптивные параметры траектории «Стабильность и инвестиции в будущее. Отношение к профессиональной деятельности»:

долгосрочная стратегия развития карьеры, стабильность;

концентрация на собственной профессии, важность прежде всего профессиональной этики (а не общечеловеческой);

способность адаптироваться, работать в новых условиях (возможно,

профессиональная переориентация):

В нашей специальности конкуренция очень сильна. Сильна, потому что постоянно подпитывается молодыми людьми. То есть выбор специальности... В действительности, задержаться в этой специальности удалось, мягко говоря, не многим в [университетском] выпуске, скажем, моем. То есть посыл был правильный: компьютеры – это будущее. Но в тот момент было непонятно, что это инструмент. Компьютер – это не цель, а средство. Поэтому тогда, когда компьютер вошел, как говорят, в каждый дом, и, по крайней мере, молодежь с 12-летнего возраста пользуется им так же, как телефоном, естественно, среди этой молодежи очень большая прослойка людей, которые

смотрят на него глубже и достаточно компетентны в этой области. Поэтому я как-то сориентировался скорее на свой уже [накопленный] жизненный опыт. Я выбрал управление, то, что сейчас называется IT-менеджмент. То есть то, что я прошел достаточно много поколений тех же самых компьютеров, имел дело с самыми разными системами, это дает основания считать, что я хороший руководитель, организатор IT-службы.

О.Г., доктор наук, IT-специалист в банке

работа в условиях, диктуемых рынком, конкурентоспособность:

Работа на заказчика – это очень сложно делать. Быть самодостаточным – многим это не интересно. Искусство как товар – это другое дело. Это другая тема. [...] Та система, которая существовала, она позволяла подниматься по лестнице: художественная школа, художественное училище, художественный вуз, потом творческая деятельность, и так далее, там всякие творческие дачи, выставки, союз художников, народные художники, и тому подобное, и слава, и почет. И все это казалось автоматически [произойдет] – с течением лет убеленные седины позволят тебе почивать на лаврах. Все это исчезло, и [сейчас] нужно быть интересным! А тогда можно было быть неинтересным и дойти до самой вершины. Нужно было быть политически корректным, и тогда... Это проблема не только для художников. Почему там те же шахтеры сидят касками стучат? Не потому, что они вот такие, они просто не могут. Их система создала такими. Система образования – это заказ общества на будущего работника. Социальный заказ. Какой работник нужен, такого и сделают. Та же тестовая система, она предполагает вариативность определенную. Ты должен выбрать из 10 один вариант, но ты должен знать, что эти 9 не подходят. Выбор. Все время выбор. А советский человек никогда перед выбором не стоял – ему не нужно было ничего решать, за него все решили давно, что это будет так, а это будет так. Тенденция на сегодняшний день – не важно, сколько у тебя дипломов, важно, что ты реально умеешь, какие у тебя есть специальности, что ты можешь делать.

Е.Г., кандидат наук, художник

умение создавать и поддерживать имидж успешного профессионала:

Ученый [сегодня] должен вырабатывать совершенно новые качества. Это вот сейчас у нас ремонт, во-первых, а во-вторых, я сейчас готовлю доклад, роюсь в старой литературе, и пришел в вельветовых штанах и в свитере. А так обычно я хожу в костюме. Встреча у меня практически каждый день с кем-то. Или кто-то сюда приезжает, или я куда-то еду. Вот мне рассказывал один сотрудник... В соседней лаборатории К. был такой, ну, говорит, приезжают из министерства, а он пожилой человек, заходим, идем, ширинка расстегнута, ботинки не чистил лет 10 наверно, ну не 10, как купил, так и носит. Сейчас такие номера не проходят! Если я куда-нибудь приезжаю... [...] Вот здесь валяются 4 дипломата, хотя я не люблю дипломаты, честно говоря. Но я знаю, какой нужно выбрать дипломат, понятно, что одет с иголочки, никаких проблем. Не как раньше! Раньше наплевать было! Я не говорю, что это главное, естественно это не главное! Но и это тоже. Естественно, если я приду в стоптанных ботинках, от этого сразу отношение такое: «Если крупный ученый не может сам себе заработать на ботинки, о чем с ним разговаривать? Что он может сделать?» Или визитки. Особенно в первые годы развала стало модно давать визитки. Понаделали визитки, но визитки делали черти как! Чуть ли не на папиросной бумаге. Даже качество визитки – ну понятно – визитка должна быть на прочной бумаге, русский и английский на обороте. Особенно для иностранцев – они берут, читают. [Думают:] «Ага, есть смысл пообщаться».

Евгений В., доктор наук, заведующий научной лабораторией

Дополнительные дескриптивные параметры:

либеральные ценности (свобода, право самостоятельного выбора жизненной стратегии и т. д.):

Конечно, жалко, что правые не прошли [на выборах в Госдуму в декабре 2003 года]. Но у нас ведь как? У нас принято считать, что один вот является либеральным сторонником, а вот этот вот человек говорит, что он главный защитник трудящихся, т. е. главный левый. Я думаю, что если бы они внутри себя бы проводили какие-то праймериз, чтобы и с той, и с другой стороны выбирались наименее отвратительные рожи, то, наверно, и чиновникам труднее было бы управлять. По всей видимости, вот Украина, она нам даст хороший пример, как большой выбор не дает навязать такую ситуацию, которая выгодна какому-то чиновническому слою. Вы видите на Украине какая полифоническая динамика. Кто бы и хотел закрутить гайки, они просто не знают, на кого бросаться. Потому что там и такой демократ есть, и такой, и такой. А здесь как бы, когда узурпирована ситуация, этот человек является главным СПС-ником, этот человек является главным яблочником, этот человек является главным коммунистом, это наша общая проблема. Но она ведь у нас не только там. Вот у нас... Если я вас спрошу – назовите нашу какую-нибудь теннисистку, кого вы назовете?

Курникова. А выиграла ли она какой-нибудь турнир? Нет, и никого это не колышет. У нас есть на должности теннисистки Курникова, на должности коммуниста у нас Зюганов, на должности дамы либеральной у нас Хакамада, и пусть попробует какая-нибудь другая! Главная балерина у нас какая? Волочкова. Хотя если она подпрыгнет, то может сцена провалиться. Она у нас назначена главной балериной. Главный певец у нас Басков, да? Главная певица у нас Пугачева. Пусть попробует кто-то устроить так, чтобы ее сместили! Тут вообще пол-Москвы в развалинах будет лежать! По-моему, на Украине каким-то образом, в силу того, что у них там общий бардак, у них, по-моему, не такая ситуация. У них даже боксера два. Понимаете? А у нас всегда так было. Вот в Дагестане был Расул Гамзатов, и было всегда известно, что второго поэта не будет у нас дагестанского. Закрыта галочка. И вот эта вот расстановка всех по клеточкам, она лежит в основе вот этого всего безобразия.

Сергей В., 52 года, доктор наук, профессор

удовлетворенность средним достатком, средними достижениями:

Часть лабораторий в нашем институте нормально живет. Про себя я могу сказать... Ну, лично я живу нормально, лично я. А лаборатория... Ну, живет, будем так говорить. Лаборатория – 30 человек у нас, самая большая в институте. Лаборатория тяжелая очень по насыщенности и по объему всевозможных приборов там, аппаратов разных. Тяжелая лаборатория в этом плане у нас, установки высокого давления – до 200 атмосфер, есть специальный зал огромный, 8 аппаратчиков его обслуживают. Короче, у нас такие, серьезные дела. Хорошо жить мы в принципе не можем и никогда не жили, потому что, чтобы хорошо жить, нам надо очень много денег. Такие деньги я находить не могу. Но более-менее прилично, никто не разбегается, никто не уходит.

Евгений В., доктор наук, заведующий научной лабораторией

Наконец, четвертая траектория «Высокий риск и достижения». В определенном смысле эта траектория – противоположность траектории «Советское наследие. Коллектив как средство и цель». Их различия определяются выбором рыночно-ориентированной и командно-ориентированной деловых культур с соответствующими нормами и моралью.

Первый фактор, предопределяющий выбор той или иной траектории, заключается в ориентации на коллективистские или индивидуалистские ценности. Соответственно выбор предопределяет и две совершенно разные деловые культуры. Эмпирические исследования отечественных ученых показывают, что российская деловая культура в настоящее время находится где-то между этими двумя противоположными ориентациями, и поэтому она сможет приспособиться к западному рыночно-ориентированному деловому

стилю так же, как сделали это Германия, Финляндия, Австрия или Израиль [Барделебен, Климова, Ядов 2004].

Также важно учитывать несколько других параметров, бинарных оппозиций «индивидуальные достижения – коллективное равенство», «концентрация на результате – концентрация на процессе», «рациональность – аффективность» и др.

Эта траектория обладает серьезными отличиями от траектории «Стабильность и инвестиции в будущее». Следующие ей представители интеллигенции в большей степени ориентированы на результат, стремятся достигнуть максимально возможного уровня в своих начинаниях. Они готовы рисковать, брать на себя серьезную ответственность. Для них характерен высокий уровень потребления, напряженный ритм работы.

Для представителей этой траектории характерна не апелляция к традициям, рефлексия и поиск корней, а попытка добиться максимального в своей конкретной профессиональной области. При этом «интеллигенция», по их мнению, понятие скорее социокультурное и относящееся к российской истории, интеллигенции свойственны особые духовные, моральные черты, которые и позволяют говорить о ней как об отдельной общности людей. Себя к интеллигенции они не относят.

Невозможно без улыбки, без иронии говорить: «Вот я – российская интеллигенция». Или «Васисуалий Лоханкин и его роль в развитии интеллигенции». Ну как-то трудно об этом всерьез говорить. Опять же, что такое интеллигенция? К вопросу о том, что такое интеллигенция: у Луначарского как-то спросили, что нужно, чтобы быть интеллигентом, и он ответил, что нужно три образования, одно у деда, одно у отца и у самого человека. Но я думаю, что все-таки в российском понимании интеллигенция – это вот... не зря люди отмечают, что это чисто российское, что во всем остальном мире интеллигенция понимается как определенные профессии. Интеллигентный человек для европейца значит интеллектуал. А для российского человека, мне кажется, интеллигент – это не столько интеллектуал... Я бы сказал, для меня понятие интеллигентности – это способность... даже не способность, а однозначное понимание, что существует другое мнение. Просто признание априори, что другое мнение существует, имеет право на существование.

Владимир Г., доктор наук, профессор, руководитель it-компании

Представители этой траектории стремятся презентировать свой высокий профессиональный уровень, причем профессионализм воспринимается как общечеловеческая ценность, стоящая над конкретной культурой. По мнению Владимира Г., цитата из интервью которого приведена выше, американцы могут быть столь же близки ему по определенным мировоззренческим показателям, сколь и его российские коллеги. Для него важным показателем становится «родство интересов», «общность взглядов на жизнь». Причем это «родство» и «общность» определяются через призму профессии.

У меня, допустим, идет три пары лекций в университете. Что это означает? Это означает то, что я должен 6 часов подряд говорить не останавливаясь, решить учебную задачу, которая передо мной поставлена [...]. На самом деле, если человек не дурак, то очень большая смелость нужна, чтобы выйти и учить их жизни [...]. Вы представляете, сколько надо знать, чтобы качественно преподавать?! Это же постоянно надо находиться... Я читаю огромное количество литературы, я нахожусь в разных событиях каждый день, я смотрю разные передачи, если не впрямую, так в записи, мне готовят выжимки из прессы, если я что-то пропустил, обзоры статей. Если я сам чего-то хочу – заказываю. Постоянно надо находиться в рамках информационного потока.

Петр Я., политолог, профессор

Распространено сочетание двух сфер деятельности – академической или преподавательской и прикладной, в бизнес-сфере. Эти области в некотором смысле дополняют друг друга. Для заключения контракта необходимо иметь репутацию хорошего ученого, интеллектуала. Одновременно с этим практическая деятельность позволяет насытить учебные курсы и исследования фактами и примерами из реальной профессиональной жизни, что вызывает интерес со стороны аудитории, способно увлечь молодых специалистов.

Мало преподавать политологию, надо еще и практически этим делом заниматься. Иначе будешь кабинетным засушенным ученым, которого неинтересно слушать. Я начал заниматься практической работой. В основном я занимаюсь тем, что называется политическим консалтингом. И занимаюсь этим достаточно давно, очень давно. Эпизодически я этим занимался с конца 1980-х годов, а с 1993–1994 гг. я стал заниматься этим постоянно. Параллельно с этой [преподавательской] работой. И здесь, в общем-то, я тоже не скакал, бил в одну точку, и это принесло свои плоды. [...] [Моя] фирма без заказов не остается.

Петр Я., политолог, профессор

Преподавание, как и любую другую деятельность, информант рассматривает не как процесс, но как цель, необходимость решения определенной задачи. Достижение этой цели и определяет жизненный успех.

Если мы говорим «успех» – это все-таки наверно профессиональный, успех в личной жизни – это звучит странновато. Поэтому успех все-таки связан с работой, с карьерой. Если твоя работа результативна, то мне кажется, у человека должно возникать ощущение успеха. Если от работы только чувство усталости – от этого самоуважение не может не падать, то есть многие люди говорят: «Мы работали там днями, ночами, почему вы пристааете к нашей зарплате?». Вы могли работать сколько угодно, это не есть мерило! Мне вообще кажется, что человек в жизни должен заниматься только тем, что ему легко дается. Но делать это он должен изо всех сил.

Владимир Г., доктор наук, профессор, руководитель it-компании

Среди признаков успеха, помимо материальных достижений, представители этой траектории выделяют, как правило, результаты, достижения в избранной области профессиональной деятельности. Особо подчеркивается, что не факт работы, но результат

определяет успешность. Причем речь идет не только о признании успеха в определенной среде, но и о внутренних ощущениях, собственных впечатлениях человека.

Перечислим типовые характеристики траектории «Высокий риск и достижения».

Отношение к профессиональной деятельности:

стремление достигать максимально возможного уровня;

способность серьезно рисковать, находить свой шанс;

высокая интенсивность работы;

рациональность, прагматизм, конкурентоспособность, качества менеджера,

руководителя, нацеленность на результат;

стремление к профессиональному и материальному успеху, высокой социальной позиции;

возможна занятость в разных местах (одна работа рассматривается как «бизнес», другая – исходя из внутренней потребности, «для души»).

Скажем так, есть производственная работа, и есть активная общественная работа. Это уже сейчас термин не из нашей жизни, это из той жизни. Но... Я продолжаю активно заниматься общественной работой. Во-первых, я профессор, я преподаю. Потом, у нас есть такое землячество алтайцев, проживающих в Москве, я там активно работаю. Есть общество дружбы России и Германии, еще старые мои завязки, я там работаю. Есть общество дружбы России и Туркмении, я и там заместитель председателя общества. Я считаю, что там есть возможность себя показывать, проявлять.

Геннадий М., профессор, специалист по аудиту

Дополнительные дескриптивные параметры:

позиционирование себя как специалиста высокой квалификации, умение показать себя с лучшей стороны;

успех в жизни связывается в первую очередь с профессиональными достижениями;

высокий уровень потребления.

Я считаю, что скромности ложной не должно быть, человек должен, если он чего-то смог – он должен объективно этим гордиться, он должен объективно за это получать соответствующие материальные вознаграждения. То есть успех – это процветание человека в той или иной области.

Геннадий М., профессор, юрист

Заключение

Итак, мы видим, что интеллигентская парадигма (образец сознания, уходящий корнями в дореволюционную Россию) не теряет своего значения и сегодня. Она успешно существует как виртуальная структура. А, как известно, в современном обществе виртуальные

структуры во многом приравниваются по силе своего воздействия к структурам материализованным. Эта парадигма остается привлекательной для многих представителей современной российской интеллигенции. Условно говоря, реконструкция интеллигентского сознания, «игра в интеллигенцию» имеют немалые перспективы как в России, так в основном на Западе (где постоянно ставится вопрос о преодолении все углубляющегося прагматизма общества потребления).

Вместе с тем набирает силу и новая группа интеллигенции, которая готова отказаться от апелляции к старым образам, ориентируясь на достижительскую мотивацию и трудовую этику западного образца. Для этой группы, с одной стороны, происходит некоторое упрощение картины реальности, снижение стремления к рефлексивности, что было характерно раньше для образованного слоя общества. С другой – налицо высвобождение энергии, столь необходимой для работы в современных условиях, мобильности, свободы, коммуникативности.

Литература

- Барделебен Д., Климова С., Ядов В.* Становление трудовых отношений в постсоветской России (Социологический анализ пяти случаев российского менеджмента в сравнении с практикой Канады и Германии). М.: Академический проект, 2004.
- Боборыкин П.Д.* Солидные добродетели. СПб.: Е.П. Печаткин, 1971.
- Борев Ю.* Ванька-встанька и состояние мира. М.: Русь-Олимп, АСТ Астрель, 2004.
- Бурдые П.* Социальное пространство и символическая власть // Начала. М.: Socio-Logos: Фирма «Адапт», 1994.
- Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. [репринтное издание] М.: Новости, 1990.
- Голенкова З.Т.* Социальное расслоение и социальная мобильность. М.: Наука, 1999.
- Гудков Л.Д., Дубин Б.В.* Интеллигенция. Заметки о литературно-политических аллюзиях. М.: ЭПИцентр; Харьков: Фолио, 1995.
- Дилигенский Г.Г.* Люди среднего класса // Интернет-библиотека фонда «Общественное мнение», <http://bd.fom.ru/reports/frames/b02052401.html>
- Достоевский Ф.М.* Пушкинская речь // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Ленинград: Наука, 1984. Т. 26. С. 129–149.
- Заславская Т.И.* Мониторинг: результаты первых 6 месяцев // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1993. № 6.
- Иванова М.А., Эфендиев А.Г.* Московский студент–2000. Проблемы развития московского студенчества и студенческих профсоюзов в зеркале социологии. М.: Изд-во МАДИ, 2001.
- Кивинен М.* Перспективы развития среднего класса в России // Социологический журнал. 1994. № 2.
- Лавров П.Л.* Опыты истории мысли Нового времени: В 2 т. Женева: Вольная русская типография, 1888–1894.
- Латынина Ю.* Уроки «Вех» // Знание – сила. 1991. № 2.

- Левада Ю.А.* Социальные типы переходного периода: попытка характеристики // Левада Ю.А. От мнений к пониманию. Статьи 1993–2000 гг. М.: Московская школа политических исследований, 2000. (Б-ка Московской школы политических исследований. Вып. 22.)
- Лотман М.Ю.* Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса) // Россия/Russia. № 2 [10]. М.: Венеция, 1999.
- Мансуров В.А., Семенова Л.А.* Интеллигенция конвертируемых предприятий // Социологический журнал. 1998. № 10.
- Мансуров В.А., Семенова Л.А.* Некоторые тенденции в развитии профессиональных групп российской интеллигенции // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.
- Милуков П.Н.* Интеллигенция и историческая традиция // Вопросы философии. 1991. № 1.
- Покровский Н.Е.* Интеллигенция и интеллектуалы в социальной структуре // Кравченко С.А., Мнацаканян М.О., Покровский Н.Е. Социология: парадигмы и темы. М.: АНК ИЛ, 1998.
- Покровский Н.Е.* Прощай, интеллигенция! // На перепутье (Новые «Вехи»). М.: Логос, 1999.
- Семенова Л.А.* Об интеллигенции в кризисном обществе // Интеллигенция в социальных процессах современного общества. М.: ИС РАН, 1992.
- Степанова О.К.* «Интеллигенция»: конкуренция локализаций в символическом пространстве // Профессиональные группы интеллигенции / Отв. ред. В.А. Мансуров. М.: ИС РАН, 2003.
- Степанова О.К.* Понятие «интеллигенция»: судьба в символическом пространстве и во времени // Социологические исследования. 2003. № 1. http://socis.isras.ru/SocIsArticles/ListSocis2003_1_06.htm
- Федотов Г.П.* Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. М.: Наука, 1990.
- Федотов Г.П.* О святости, интеллигенции и большевизме. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994.
- Шеллинг Ф.В.* К истории новой философии (Мюнхенские лекции): <http://bdsweb.tripod.com/ru/114.htm>
- Шматко Н.А.* Практические и конструируемые социальные группы: деятельностно-активистский подход // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.
- Юревич А.В.* Умные, но бедные: ученые в современной России. М.: Московский общественный научный фонд, издательский центр научных и учебных программ, 1998.
- Yadov V.* Social Identifications in Post-Soviet Russia Empirical Evidence and Theoretical Explanation // International Review of Sociology – Revue Internationale de Sociologie. 1997. Vol. 7. № 2.